

беседа третья

Адам Мúхник

Краткая биография Михника, составленная на основе рассказа Кароля Модзелевского:

Адам Михник родился 17 октября 1947 года. Он сын деятеля Коммунистической партии Западной Украины. После войны отец Михника не являлся особенно высоким сановником, он был редактором профсоюзной газеты, а затем одним из редакторов польского издания трудов Карла Маркса в издательстве «Книга и знание», где работал до пенсии. Мать Адама была историком, она является автором учебника «История Польши».

Адам был организатором политклуба школьной молодежи в первой половине шестидесятых годов. Это был довольно элитарный клуб, работавший под патронатом комсомола, который в Польше назывался Союзом социалистической молодежи. В комсомоле, однако, Михник побывать не успел, так как, когда он поступал в университет, «бунтарскую» молодежь в комсомол уже не брали.

В 18 лет, когда он был студентом, Михника арестовали по делу Куроня и Модзелевского, подозревая наличие у него экземпляров «Письма к ПОРП». Письмо, однако, найти не удалось, и Михник был освобожден после шестинедельного заключения. Дважды Адам был поражен в правах студента. Первый раз за организацию акций протеста против ареста Куроня и

Модзелевского, а второй — за организацию в октябре 1966 года большого собрания с участием Лешека Колаковского (Leszek Kołakowski, 1927–2009)¹, который в то время был профессором Варшавского университета: собрание было посвящено десятой годовщине октябрьских событий 1956 года.

В защиту Михника выступили студенты и научные работники Варшавского университета, собравшие более тысячи подписей. Это сыграло свою роль, и Михник был оставлен в университете. Всё же в марте 1968 года его изгнали из университета, что послужило непосредственной причиной созыва большого митинга во дворе Варшавского университета. Так начались известные мартовские забастовки и демонстрации студентов. Начались, конечно, с разгона этого митинга милицией и войсками МВД.

Михник получил три года тюрьмы, но отсидел полтора, поскольку был амнистирован. После выхода из тюрьмы Адам Михник работал на заводе по производству электронных ламп: завод имени Розы Люксембург в Варшаве. Проработал он там около полутора лет и был уволен за причастность к забастовкам, связанным с поддержкой выступлений рабочих в Прибалтике.

После некоторых послаблений, связанных с приходом Эдварда Герека, Михнику позволили окончить университет в Познани. Адам становится активным членом КОРа, затем советником «Солидарности». В 1977 году Михник и Куронь были ненадолго арестованы. После освобождения — вновь активная деятельность в оппозиции.

С введением военного положения — интернирован, а в августе 1981 года переведен в тюрьму. Освобожден по амнистии 1984 года. Затем вновь арестован: на этот раз вместе с Владиславом Фрасыньюком, по Гданьскому делу в 1985 году, и

осужден на три года. Но вскоре был освобожден по амнистии 1986 года.

В настоящее время Адам Михник — советник Леха Валенсы и Краевой исполнительной комиссии «Солидарности». Кроме того, он главный редактор влиятельнейшей «Gazeta Wyborcza» в Варшаве, а также депутат Сейма.²

* * *

Впервые с Адамом Михником я встретился летом 1989 года во время его приезда в Москву на кинофестиваль. Встреча произошла на квартире известного драматурга Александра Гельмана, куда Михник пришел вместе с Анджеем Вайдой (Andrzej Wajda). «Раньше мы были уголовниками, — сказал, здороваясь, Михник, — а сейчас мы правительство!»

Это прозвучало очень необычно и неожиданно. Меня также удивило то, что он знает о существовании Политклуба имени Бухарина и даже упомянул название статьи в «Советской культуре», где рассказывалось о нашем политклубе. Это, конечно, меня поразило.³

Наша вторая встреча произошла 4 сентября на варшавской квартире Адама. Михник произвел очень сильное впечатление. Несмотря на то что он сильно заикается, когда волнуется, его приятно слушать. Он невероятно притягателен, всегда слышит собеседника. У него потрясающая жажда знаний, и он, это заметно, буквально страдает от того, что не может объять необъятное. Он готов читать, кажется, всё и всегда. Интерес к России и вообще к СССР — огромен. Он знает нашу страну и в этом отношении отличается от других моих собеседников. С ним легче говорить о событиях внутри нашей страны. Михник не экономист, но его образ мыслей позволяет интуитивно понимать проблемы экономики. Его мышление — сугубо поли-

тическое. Он и есть настоящий политик. Сейчас в Польше его время. Но надолго ли? Я также убеждён в том, что Михник играет очень большую роль в налаживании доверия поляков к русским. Познания нашей истории и нашей культуры помогают ему в этом. Ну а что же об Адаме Михнике писали в СССР?

Вот что:

«Михник — давний коллега Куроня и Модзелевского на анти-социалистическом поприще (был особенно активен во время анти-социалистических выступлений в Варшаве в марте 1968 года) — одна из самых злобующих фигур в истории польской контрреволюции. Человек действия и значительной энергии, питаемый ненавистью к социализму, он был не столь искусный оратор-демагог, как Куронь, и не мастер изоцирэнной интриги, как Модзелевский. Преимущественное амплуа Михника — организаторская деятельность. Он был сторонником любых, самых низких методов в борьбе с социализмом, вплоть до развязывания в подходящий момент открытого террора. Во время своих неоднократных поездок в Италию Михник досконально изучал «опыт» так называемых «красных бригад». Был тесно связан с Мартой Петрусевич, которую хорошо знал ещё в Варшаве (в 1983 г. Петрусевич была привлечена к ответственности итальянскими органами правосудия за связь с «красными бригадами»). В период событий 1980–1981 гг. был одним из ведущих советников «Солидарности». (Трубников, «Крах "Операции Полония"», с.23.)

В отличие от Кароля Модзелевского и Яцека Куроня, Михник хоть и слышал об этой книге, но не читал её, что удивительно. Когда я прочёл ему эти строки, он залился смехом, едва удерживаясь в кресле. После этого он попросту забрал у меня исчерканный карандашом мой экземпляр.

* * *

Валерий Писигин. Александр Гельман рассказывал, что вы интересуетесь русской культурой, русской историей, искусством, и сегодня это действительно важно в Польше, потому что всё равно нам вместе предстоит выкарабкиваться из той ситуации, в которой мы сейчас находимся. Либо мы вместе выйдем из этого, либо наоборот, и сегодня верно говорят, что неудача реформ в Польше покажет неудачу всех реформ в странах социалистического лагеря. И напротив: в случае удачи в Польше это будет сильная опора нам в наших действиях...

В то же время здесь, в Польше, насколько мне известно, без особых симпатий, мягко говоря, относятся к Советскому Союзу, к тому, что там происходит...

Адам Михник. Я думаю, что у тебя просто нет возможности сравнивать с тем, что было раньше. *(Смеется.)* Теперь, можно сказать, у нас любовь. Любовь!

В.П. Это, конечно, благодаря тому, что у нас произошли перемены...

А.М. Конечно. Это абсолютно! Абсолютно!.. Например, вчера я был на собрании в Силезии, у шахтёров, поскольку я их представитель в сейме. И мне задавали много вопросов о моей поездке в Москву и о моих впечатлениях о Советском Союзе. Я впервые увидел, что в этих вопросах не было антирусского, антисоветского настроения. Было очень большое любопытство. И это было нечто новое, потому что ещё весной, во время выборов, такие настроения были. Сегодня такие перемены происходят, и появилась первая возможность, чтобы изменить саму базу взаимоотношений между нашими народами. Впервые у нас нет такого жесткого антисоветизма. Очень интересно, что же будет дальше? Наверное, никто не знает, потому что две-

три статьи, например, в «Известиях» могут всё испортить и перечеркнуть.

В.П. Вы читаете наши газеты, журналы?..

А.М. Все! Все!.. Я тебе покажу, что я сегодня принес...
(Вышел в другую комнату, чтобы принести свежую прессу.)

Писигин (Модзелевскому). Я удивился, потому что когда мы только познакомились, в Москве у Александра Гельмана, и я представился, сказал, что из Политклуба имени Бухарина, то он сказал, что знает об этом, что он читал статью «В бывшем городе Брежнев»...

Модзелевский. В «Советской культуре»?

В.П. Точно!.. В «Советской культуре»...⁴

Адам Михник (принес ворох свежей прессы). Я знаю очень многих русских интеллектуалов, благодаря тому что читаю газеты и журналы... (Показывает «Литературную газету», «Советскую культуру», «Октябрь», «Вопросы литературы».) ...И прогрессивные, и националистические тоже, и «Наш современник», и... что ещё... вот «Молодая гвардия»...

В.П. «Советская Россия»?

А.М. Нет, потому что просто *это* уже не могу читать... Ну, если там только что-то интересное...

В.П. Газета, которую вы возглавляете, является чьим органом?

А.М. Теоретически — ничьим. Она независима. Но практически — это орган «Солидарности». Но только практически! Теоретически у меня нет никакой инстанции, которая бы могла мне сказать: пиши так, а не эдак... Мои друзья могут мне сказать на собрании: «Почему ты это напечатал, ведь это ложь, это бред?!» Вот такое возможно.

В.П. Мне неудобно спрашивать у редактора о влиянии его газеты...

А.М. (после некоторой паузы). Это успех! Нашу газету все читают.

В.П. И какой тираж?

А.М. Полмиллиона! Но это, конечно, не ваши тиражи...

В.П. В разговоре с лидерами «Солидарности» я приводил ваши известные слова, они и в нашей советской печати приводились, я имею в виду: *«Президент — ваш, премьер — наш!»* Я сразу вспомнил слова Ленина в критический момент... Когда Церетели с трибуны говорил о том, что в России нет политической силы, могущей взять власть, он встал и сказал: *«Есть такая партия!»*

А.М. (смеется). Да!.. Спасибо за сравнение...

В.П. Подождите, потому что я ещё вот что хочу сказать... Так вот, Ленин фактически заявил, что готов взять власть, то есть брал на себя огромную ответственность... Однако в разговоре с лидерами «Солидарности», с экономистами мне показалось, что серьезной экономической базы для такого заявления, для того, чтобы взять власть, у «Солидарности» ещё нет. Вы ещё не жалеете о сказанном?

А.М. Если бы не было такой базы, то не было бы нашего премьера. У нас только сейчас, наконец, и начинаются хлопоты. Потому что до сих пор мы только могли призывать: *«Бастуйте!»* А это был тупик, так как, я уверен, никакое коммунистическое правительство ничего сделать в Польше уже не сможет. В этом смысле я настоящий ленинец! Он любил цитировать известные слова Наполеона: *«Надо сначала ввязаться в битву, а там будет видно!»*

Я думаю, что наш народ должен пройти через этот опыт, даже если мы разобьёмся. То есть ситуация просто беспрецедентная, и поэтому трудно что-либо предсказывать. Мне так видится это положение. Единственный способ осуществить демократические преобразования в Польше — это контракт

реформаторского крыла в лагере власти с прагматическим крылом в оппозиции. Если этот контракт не оправдывает себя и у него не будет успеха, в Польше может воцариться анархия или военное положение либо националистическая диктатура.

В.П. Я тут разговаривал с одним западным экономистом — с Брюсом из Оксфорда, — который поражен тем, что при катастрофическом положении дел в экономике Польши никто ничего не делает, чтобы найти выход из этого положения... Вы ещё не подошли, когда я с Куронем об этом говорил, — так вот Куронь считает, что надо всё оставить как есть, а рынок сам возникнет, выстроятся отношения и так далее... Я же считаю, что это политика безответственная, что сегодня надо думать о каком-то срочном выходе из положения. Люди поддержали оппозицию, в результате «Солидарность» получила своего премьера, места в сенате, и теперь люди ждут перемен. Но через три месяца «Солидарность», не дав не только перемен, но даже и надежд на них, перестанет пользоваться поддержкой народа...

А.М. Я думаю, что нам надо подождать эти три месяца. У меня нет никакого доверия к экономистам. Ни к польским, ни к западным, ни к советским. Я думаю, что точка зрения экономиста для этой ситуации недостаточна. Потому что, и здесь я вновь выступаю как *ленинец*, ключ от ситуации — в политике. Да, это политика! И ещё я думаю, и это важно сказать, что всё равно ничего хорошего из этого не получится. Потому что никто в целом мире не знает, какой имеется выход из этого безвыходного положения. Просто никто не знает! Ни у вас, ни в Китае, ни в Венгрии, ни в Югославии — нигде... Но я думаю, что все эти медленные методы ничего не дали. И у нас теперь просто нет времени. Просто нет времени, чтобы ещё ждать. И нам надо идти на радикальную рыночную перемену, и это надо делать немедленно. Потому что через три месяца это уже мо-

жет быть поздно. Я боюсь, что наш новый премьер — человек очень осторожный, а нам сейчас нужны люди с риском и отвагой.⁵

В.П. Да, положение действительно незавидное, но мало кому можно сегодня завидовать, потому что в Советском Союзе, например, добавляются ещё и национальные проблемы.

А.М. Да! Да! И я боюсь, что ваши лидеры...

(Ответ Михника повис в воздухе, так как в это самое время домой вернулись его жена с маленьким сыном. Последовали приветствия, традиционные в таких случаях реплики, беседа наша прервалась на некоторое время, а когда возобновилась, то я, к сожалению, не догадался вернуть разговор к прерванной теме и, вместо этого, завел речь о другом.)

В.П. Если исходить из вот этой самой характеристики, которую вам дали в книге «Крах "Операции Полония"», там какая-то правда есть?

А.М. *(смеется)*. Я лучший демагог, чем Куронь, лучший интриган, чем он *(указывает на Кароля Модзелевского)*, но я самый худший организатор в мире! *(Все смеются.)*

В.П. Я так понимаю, что все главные редактора газет — плохие организаторы. Бухарин, когда проиграл Сталину борьбу, тоже говорил о себе, что он самый плохой организатор в России.

А.М. А что, Бухарин действительно боролся со Сталиным?

В.П. Дело в том, что он боролся не просто со Сталиным. Бухарин боролся с философией военного коммунизма...

А.М. А Троцкий?

В.П. Троцкий боролся со Сталиным и его аппаратом.

А.М. Может, это и хорошо, что он не победил.

Модзелевский *(смеётся)*. Если бы он победил, то он бы нам всем показал...

В.П. Ну мы не можем судить человека за то, что он не сделал; во-вторых, вы что, хотите сказать, что Сталин — это ещё не так страшно?

А.М. (*смеется*). Ну нет, конечно. Это, может, плохая шутка, но я не люблю Троцкого как идеолога. Конечно, он не был таким злодеем, как Сталин. Тот был просто убийцей, бандитом, это бесспорно. Но способ мышления Троцкого — это квинтэссенция тоталитаризма: максимализм, радикализм, жестокость... И он писал правду, когда сообщал, что он *настоящий большевик*. Но, конечно, он был деятелем очень крупного масштаба: может быть, большего, чем Бухарин.

В.П. Смотря что подразумевать под масштабом. Я считаю, что Бухарин ещё не завершил своё историческое действие. Я в этом убежден. Для России, по крайней мере.

А.М. Я думаю, что вы его немножечко идеализируете. Бухарин, конечно, имел в свое время существенную правоту, но в истории, как известно, недостаточно быть правым, чтобы победить. А теперь новый исторический процесс, и мне кажется, что Россия сегодня уже пошла дальше, чем возвращение к идеям Бухарина...

В.П. Безусловно!

А.М. И Селюнин пошёл дальше, и Шмелёв, и Гавриил Попов...⁶

В.П. Я это понимаю и потому не делаю из Бухарина икону...

А.М. Надеюсь...

В.П. ...и отношусь к нему достаточно критично... Но главное — он у нас персонифицированное выражение альтернативного пути.

А.М. Но я думаю, что уже нет. Конечно, реабилитация Бухарина была очень важным фактом, поскольку это была как бы интерпретация новой точки зрения на историю русской ре-

волюции. Это был путь к тому, чтобы устранить ложь из истории Коммунистической партии.

В.П. В нашей политической истории имена политиков значат нечто большее, чем только фамилия и историческая правда. Как правило, реабилитация политиков — это признание их исторической правоты. Реабилитация Бухарина — вскрытие целого пласта в политике и экономике, снятие запрета на переход к рыночным отношениям...

А.М. Я с этим согласен. Но вопрос Клямкина: «*Эта ли дорога ведет к храму?*» — это уже не путь Бухарина. Вопрос Клямкина — самый существенный. Я, правда, не согласен с его ответом...⁷

В.П. Игорь Клямкин очень хороший публицист. Но публицисты — это одно, экономисты серьезные — это другое, а политические действия — это третье... Сейчас многие пишут. Интеллектуалы, писатели... Наша концепция — это гармоничный переход к рынку на основе развития кооперации, аренды, частной инициативы. Мы за политизацию этого процесса, за единство политики и экономики, за их гармоничное развитие. На базе этого мы можем построить гражданское общество.

А.М. Да, это очень важно, потому что других возможностей восстановить гражданское общество в России нет. Если Яцек (Курунь) тебе возражал, так он совершенно не знает русской реальности. Там у вас совершенно другое положение, чем в Польше. Механическое сравнение ситуации в России и в Польше — это ошибка. В Польше сейчас конец коммунизма. Ярузельский решается отдать правительство Мазовецкому. А Горбачев кому может отдать? В России нет никого для диалога. Коммунисты сами этого добились... А что ты можешь сказать о строительстве у вас партий, о строительстве политической инфраструктуры?

В.П. Мы вот на что посмотрели... Идут политические процессы, в основном в Москве, создаются народные фронты, всевозможные политические организации, партии, но мы их не считаем серьезными, потому что серьезные организации можно строить, только опираясь на демократический слой...

А.М. Но это тоже неправильно! Неправильно, потому что *всё* теперь серьёзно. Нельзя сказать, что только один путь правилен. Все пути, которые ведут к восстановлению гражданского общества, нужны. И ты тоже не считай, что твой путь — единственно правильный. У нас есть на этот счет польский опыт. Долгое время мы думали, что КОР — это единственно верный путь, а все остальные ошибочные. Оказалось, что если бы был только КОР и ничего больше, то ничего не получилось бы. Без Костёла, без государственных университетов, без некоторых движений внутри Коммунистической партии не было бы такого пространства свободы, которое сегодня существует в Польше. Потому что все движения составляют субъекты общественной жизни.

В.П. Я, конечно, не считаю все эти движения неважными, упаси Бог! Но все дело в том, что мы видим свой путь в том, чтобы вести *перекачку* капитала из-под влияния государства... При моноэкономике не может быть никакой речи о демократии. Может быть речь только о либерализации, большей или меньшей...

Модзелевский. Это естественно...

В.П. ...Когда мы открываем кооперативные банки и развиваем кооперацию и арендные отношения, то мы все это называем *альтернативной экономикой*...

А.М. Демократия есть там, где есть средний класс, и вы занимаетесь строительством среднего класса.

В.П. Вы говорите, что у вас есть польский опыт. Теперь у нас он тоже есть. Особенно после того, как я здесь побывал. Я обнаружил здесь большой перекося в сторону политических побед и обнаружил отсутствие альтернативной экономики... Хотя наши страны очень разные... Так вот, мы с первых своих шагов следим, чтобы экономический базис был в гармонии с политической надстройкой... И будем шаг за шагом захватывать, захватывать, захватывать...

А.М. Никогда здесь не будет гармонии. Всегда будут конфликты. Вы это можете сейчас делать, потому что ещё раньше что-то началось в области политики.

В.П. Но когда возникнут серьезные противоречия, у нас уже будут какие-то силы...

А.М. Я согласен...

С Адамом Михником. Варшава.

-